

А.В. Венков

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

История казачества

Андрей Венков

Вёшенское восстание

«ВЕЧЕ»

2016

Венков А. В.

Вёшенское восстание / А. В. Венков — «ВЕЧЕ»,
2016 — (История казачества)

ISBN 978-5-4444-8575-0

Вёшенское восстание является одной из самых трагичных страниц истории Донского казачества. Уникальность этого восстания отмечали уже современники, одна из белогвардейских газет писала: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии – однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцов из всех русских восстаний увенчалось успехом». Автор книги скрупулёзно восстанавливает атмосферу в станицах накануне восстания, пытается разобраться, что же стало истинной причиной восстания, делается акцент на судьбах участников восстания. Особый интерес вызывает раскрытая автором проблема выбора стороны – белой или красной, стоявшая перед простым казачеством. На страницах книги подробно описывается ход боевых действий, силы повстанцев, Красной Армии и Донской армии.

ISBN 978-5-4444-8575-0

© Венков А. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вместо введения	5
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Венков

Вёшенское восстание

Вместо введения

Боже, как давно это было!.. Все, кто рассказывал мне о восстании, давно умерли. И материал этот я собираю ни много ни мало – тридцать три года. Собираю время от времени. Двадцать три года назад вышла моя первая книжка о нем, о восстании. Но мне и сейчас многое не ясно. И документы находятся с трудом.

Сама станица сильно изменилась. Выросла раза в три-четыре. Хату под камышовой крышей – «под чаканом» – в ней уже не найдешь. А вот полвека назад – да что полвека, хотя бы лет тридцать – сорок – она была совсем другой.

Мой интерес к событиям 1919 г. возник, можно сказать, случайно. После окончания Ростовского пединститута я работал учителем в Вёшенской средней школе, в которой до этого учился все десять лет. Преподавал я английский язык и историю, а из истории больше всего интересовался наполеоновскими войнами. И диплом в пединституте защитил – «Действия кавалерии в Бородинском сражении».

Какого-то особого интереса к казачеству у меня не было. И кажется мне, что этот интерес как-то гасился окружающими, словно взрослые оберегали детей от неких чрезмерных знаний. У двоюродной прабабки, сестры моего прадеда, высоко на стене висела самая блеклая из фотографий – красавцы-усачи с вензелями на погонах. Но маленькому снизу не разглядеть. А когда я подросток, то к прабабке ходил редко. Чего я у старухи забыл? А у нас дома и такой фотографии не было... Я родился на Урале в городе Магнитогорске и в станицу попал, когда мне было четыре года. Моя бабушка еще в Магнитогорске рассказывала мне, что за покорение Сибири царь Иван Грозный «пожаловал казакам реку Дон со всеми его притоками», но гораздо чаще она горько повторяла: «Кзаки – все дураки. Сами не знали, чего искали». Сказанное ею, похоже, относилось к давно умершим, одной ей известным казакам, а ныне живущих хуторян и станичников она как бы и за казаков не считала. Еще с дошкольного возраста я твердо помнил, что мой родной дед Ельпидифор был командиром 1-го взвода 1-й сотни 1-го Кубанского полка 1-й Конной армии. Я и не знал, что по происхождению он был казак Вёшенской станицы.

Потом уже, через много лет, собирала археографическая экспедиция Ростовского краеведческого музея материал в хуторе Антиповском, и я с экспедицией был вроде проводника, и один старик, Иван Терентьевич Кухтин, перечислял, кто из казаков хутора участвовал в восстании: «Борщевы... Ломакины... Бурьяновы... Обуховы...» И не глядя на меня, но явно для меня уточнил: «А Ельпидифор Кисляков был у них в сотне писарем...»

Такие экспедиции и поездки по хуторам были явлением редким, а школьная жизнь – явлением устоявшимся и монотонным.

Но вот в один из субботних дней, когда последние уроки обычно заменяют горящими мероприятиями, нам объявили, что приехал знаменитый шолоховед Константин Прийма и будет выступать у нас в школе.

Прийма был прекрасный оратор («оратур», как говорила моя бабушка), он любил свою тему и, видно, вкладывал в нее душу. Громко и страстно, сопровождая свою речь величественными жестами, Константин Иванович вещал со школьной сцены: «...И вот, умирая, он написал: “Люди урду!..”» Мировое значение творчества Шолохова вставало перед нами «во весь свой прекрасный рост». Но большинству старшеклассников, своими глазами видевших на улицах станицы журналистов из разных стран (а кое-кто из учителей видывал еще Хрущева и Гагарина), было до фонаря, что думали о «Тихом Доне» люди урду, а ученикам восьмых классов

само название «урду» было несколько непонятно и даже смешно. На задних рядах постепенно начались разговоры. Легкий, но нервующий оратора шум грозно навис над залом. Некоторые зевали.

И тогда Прийма стал рассказывать о восстании, о Двадцать восьмом полку, о Харлампии Ермакове, о попытках начать переговоры, о стрельбе по парламентарам... Ох, и говорил же он! Испуганная, звенящая тишина установилась вдруг в зале. То, о чем отрывочно и обычно подвыпив позволяли себе говорить редкие уцелевшие деды (сопровождая рассказы словами «Слухай, как оно на самом деле было, а все, что вам читают, – брехня»), вдруг полилось со школьной сцены и сопровождалось такими подробностями, что где там дедам... Секретные директивы, троцкисты, количество расстрелянных, Сырцов, Кудинов, архив Дзержинского. «Казачи были вынуждены начать восстание!..» Вынуждены! «Да, так оно и было!» – горело у всех в глазах.

«Они смотрели на него, как будто он их реабилитировал и восстанавливал в каких-то правах», – думаю я сейчас, вспоминая ту субботу. А тогда я вместе со всеми слушал, раскрыв рот, и мне казалось, что я давно уже догадывался о существовании здесь, у нас, какой-то тайны, что она несколько раз уже приоткрывалась мне совсем случайно, но я не знал и потому не видел, а теперь наконец увижу, и это будет совершенно невероятная тайна и совершенно блестящее открытие.

Да, перегибы – это очень эффектно. Это бьет по нервам. «В станице Вёшенской планировалось расстрелять 800 казаков. Тех самых, что открыли фронт Красной Армии», – говорил тогда Прийма. И это была правда.

Бросая фронт, казаки подписали мирный договор с Красной Армией, они договорились, что пропустят советские войска на юг добивать Краснова. 28-й полк пришел в окружную станицу Вёшенскую и разогнал все бывшие здесь власти, в том числе и штаб Северного фронта белых. А потом, когда казаки разошлись по домам, их стали арестовывать и расстреливать. Кто? За что? Была секретная директива... Таким образом, троцкисты спровоцировали восстание... Хорошо говорил Константин Иванович. Не знаю, как школьники, а я, учитель, поверил.

Первым делом, придя с работы, я спросил у бабушки: «Ба, расскажи, что за восстание тут было? Из-за чего началось?» – «О-о! Восстание...» Все, что она с готовностью рассказывала мне, дословно я не передам. Что-то горькое, радостное и ускользающее было в ее словах. Теперь я знаю, что некоторые факты и события она намеренно искажала, и за эти искажения я уважаю ее еще больше. Она всегда мне много рассказывала, и очень многое я пропускал мимо ушей. Но в этот раз я ловил каждое слово. Возможно, больше говорил я. Пересказывал ей речь Приймы, а она подтверждала и добавляла от себя. И все было так, да не так... Чего ж не хватало мне тогда? Я настойчиво выпрашивал и требовал подтверждений. Она видела, что мне чего-то не хватает в ее словах, может быть, она даже чувствовала себя виноватой, торопливо вспоминала новые подробности, повторяла старые. Мы оба как на ощупь искали что-то. Что?... В ее словах не было и тени призыва к восстановлению справедливости, именно того, на что толкала речь Приймы.

«Ведь вы все – красные. Вы – за Ленина. Вас с Лениным троцкисты поссорили. Троцкисты виноваты...» – казалось, вдалбливал нам Прийма. А она вроде бы руками разводила: «Ну какие же мы красные?..»

«Когда восстание началось, дед был во дворе. Глядим, бежит...»

– Где ребята? Чтоб сейчас – домой.

Дядя Василий хотел идти, а дед ему:

– Чтоб с хаты ни шагу.

– А где твой отец был?

– Его не было.

– А где ж он был? За Донцом? Отступал?

– Да...

– Ну, дальше...

А потом уже, летом, пришли красные, а мирошник ведет их к деду.

– Здесь такой-то живет?

– Здесь.

Они заехали и говорят:

– Теперь вас никто не тронет. Мы насовсем пришли...

– Когда это было?

– Летом...

Я гляжу, мирошник идет через задний баз.

– Василий Омеляныч дома?

– Дома.

– Тебя, – говорит, – спрашивают.

А дед был на базу, скотине давал. У нас вот так была конюшня, а вот так – катухи, а вот так – навес меж ними. Там всегда бороны стояли, плуги. Так вот, дед что-то под навесом делал. Как осень, он там всегда правил, чинил что-нибудь. А тут скотине давал и под навес зашел...»

И потом (не один же вечер мы говорили о прошлом!) сколько я ни выпрашивал – кого арестовали, кого расстреляли, кто все это делал, – она, как мне кажется, невольно сводила разговор к тому, сколько у них было коров, сколько лошадей, что когда сеяли, когда убирали, сколько в амбаре было закромов и сколько во дворе собак (как сейчас помню – Уркан и Тузик). Может, это и было главным в ее рассказах. Для нее не было восстания самого по себе. Восстание было большой и страшной, но лишь страницей жизни. Чтобы прочитать эту страницу, не обязательно вырывать ее из книги. Лучше прочесть всю книгу, все страницы. А большинство их и было наполнено катухами и амбарами, сенокосами и ярмарками, рождением детей и выходами в церковь.

Позже, в страшные и суматошные 1990-е гг., когда мои собственные дети капризничали и не хотели засыпать, я начинал пересказывать им про то, какие в конюшнях стояли лошади, как звали собак – все, что помнил из рассказов бабушки, – и они странным образом успокаивались и быстро засыпали.

Другие, кого я расспрашивал, тоже особо не распространялись. Шел конец 1970-х гг. – «период расцвета застоя». Порядки казались предельно незыблемыми. Кто собирал материал о «белогвардейцах» и «белогвардейщине», обязан был «разоблачать». Я же хотел наших местных повстанцев «реабилитировать». Очень уж доходчиво Прийма нам тогда все объяснил. Но когда я начинал пересказывать содержание его выступления кому-нибудь вне школьных стен, слушатели относились все равно настороженно, недоверчиво или (те, кто старше) смотрели на меня как на человека очень наивного.

Я собирал, копил материал, много записывал – от руки и на магнитофон. Много чего начитался, много чего наслушался...

Слышишь громкую молву?

«Наши руки не ослабли.

Для похода на Москву

Мы точили наши сабли.

Как отточены клинки,

Пусть враги узнают сами», —

Повторяют казаки —

Волки с синими глазами.

Сергей Марков. «Шемаханская царица»

«Раньше все было, а потом в 33-м году было вредительство, и вот с тех пор и по сегодня ничего нет» (соседка-старушка, из записи 1980 г.).

«Раньше была “революционная совесть”, “тройкой” называлась. Чуть что – “руководствуясь революционной совестью” – и все – расстрелять!» (дед Чучуев).

«Ну а если б их не разбили, сами бы они перешли на сторону советской власти? – Ну у! Дождешься! Они такие заядлые были. Опора трона и самодержавия. Нас и за людей не считали...» (из разговора на станции Миллерово.)

«Конопля шла на масло и на веревки. Масло было горчичное, и масло было льняное. Из льна еще мешки ткали, свои станки были. Коз почти не было, старики были против. Так, несколько штук на пух держали. В постные дни ели рыбу на постном масле. Горох варили, чечевицу, фасоль – меньше, пшеничную кашу на тыкве. Молока было много. Мамалыгу из кукурузы, саламату из ячменя – все с молоком ели. Тыкву пекли, кашу из нее делали, пирожки с тыквой. Кур было много. Поросенка имел каждый на сало. Свиньям варили тыкву и мякину от соломы, зерном не кормили. Летом свиньи в луке, там и поросятся. На зиму пригоняли или они сами приходили. Свиньям и собакам мололи овсяную муку. В день пуд муки уходил. Осенью мочили коноплю, а зимою пряли на полотна. Конопляные брезенты (вазола) на арбу настилали, когда зерно возили. Весной из конопли бечевки делали.

Рыбу ловили в речках. В каждом хуторе мельницы были, запруды, там – рыба. Пескари, караси, сазаны. Хищную рыбу не водили. А в Дону уж всякая рыба. Как дождь, гроза, ее ловили, солили в бочках, потом соль вымывали и вялили.

Арбузы садили по гектару, сами ели или свиней кормили, варили арбузный мед.

В пост молока и мяса не ели, а пост по три-четыре раза: Филипповка, Заговенье, сам пост. По средам и пятницам тоже мясо не ели. В пост молока не ели – все телятам шло, они и выходили хорошие. Зато в мясоед наедятся – борщ со свиной, с говядиной, лапша с гусятиной.

Виноград редко кто держал, надо закапывать. Сады были по гектару. Груши, яблоки, сливы. Вино сами делали из малины.

В магазинах продавали одну селедку, конфеты, пряники, табак. А так все свое было. Кое-кто и табак выращивал. Рассаживали его, как помидоры, листья у него, как у капусты. Вялят, как листья сухие, так курят. В Ежовке специальная плантация была.

Пили редко – на престол и на ярмарках. Молодежь не пила, ей денег не давали. На ярмарке продавали скотиняку и одевали-обували семью. Старые брали матерьял тюками, шили и молодым распределяли. Готовую одежду редко брали. Шубы портные шили, за работу по 5 рублей брали.

Как на ярмарке – всех сразу видно. Кацапы, те в сатине, в рубахах цветных и красных. Хохлы, те в штанах на шнуре, в чунях, в ботинках, рубахи у них холстинные, вышитые, а полушубки морщенные, рукава длинные. У казачек юбки покупные, длинные клешенные, а у хохлушек прямые, морщенные, и ленты по подолу» (А.Т. Нечаева).

«Мы были малограмотные, такие, как Мишка Кошевой. Нам сказали, что нас пошлют под Петроград, а мы не захотели. “Хотим на Дон” – и все. И пошли... Потом Буденный нас обезоружил... Я? Нет, я не казак, мы иногородние, вся фамилия...» (из разговора с ветераном.)

«Саботаж? Да это специально делали, сажали всех... Хотели, чтобы казаки восстали...» (из разговора в междугородном автобусе.)

«Весна – не весна, снег был талый. Так скачут, снег и грязь – вверх выше голов! “Восстание!..”» (А.Н. Борщева.)

Как Вешки занимали, один дед – беженец – из-за плетня шумит: “Давай, давай, петлюровцы!” (она же.)

«Мой отец служил в Атаманском полку, у царя во дворце. Конь у него был темный, гнедой. Как им стоять во дворце на часах, их затягивали. Ремень вокруг головы обтянет, а потом тем ремнем подпоясывается. А на пасху у них на посту стоит тумбочка, а на тумбочке – тарелка»

лочка. И вот идут царь, царица, говорят: “Христос воскрес” и кладут в эту тарелочку яичко. А они отвечают: “Воистину воскрес, ваше величество!” А командир полка у них был сам царь. Отец говорил – царь был небольшой и рыжий.

А когда со службы они ехали, то везли сундук добра. Вот когда приедет, собираются соседи: “Ну, служивый, показывай, что привез”. Он раскрывает сундук и показывает – шинеля, одежда летняя, одежда зимняя, сапог сколько пар, перчатки, белье, пальто городское, подарки какие.

А дядя Ефим был атарщиком. Ручищи у него были – во! Как накинёт на какую лошадь аркан, как дерганет, так она и перепрокидывается. Ни одна на ногах не устоит. А конь у него был светло-рыжий, и сам дядя был рыжеватый.

А дядя Василий был дедов любимый, сам был красивый, драчливый такой, задачный. Он тоже был атаманец. Как идти ему на службу – поехали коня выбирать. Смотрели, смотрели, ни один не подходит. Не нравятся и все. Понравилась ему кобыла одна. Рыжая, лысая, белоногая. Красивая, как игрушечка. Ни с тем – покупайте и все. А на кобылах в гвардию не брали. А он – все равно: “Купите, только на ней пойду, и больше мне ничего не надо”. Тогда дед ездил просил станичного атамана, а тот атаман ездил просил окружного атамана, чтоб разрешили идти служить на кобыле. Он ее приучил, она за ним как собачонка ходила. Он рукой себя по левому плечу похлопает и идет, а она идет за следом и мордой ему плеча касается.

Они с моим отцом служили вместе. А дед ездил к ним в гости на позиции, и там сфотографировались.

Дед был темный, красивый, на Сталина похож.

А дядя Костя был армеец, и конь у него был бурый. Его провожали в армию. Он был позже всех. У него был друг – Ваня Самовольный. Все на полях, а он наденет лаковые сапоги и приходит: “Ваш Костя пойдет на улицу?”

А летом, как станет жарко, кони бегут домой всем табуном. Отцов конь впереди. В конюшне ж прохладно. Помню, раз жарко так было, и бегут. Дед кричит: “Уберите детей с база, кони!” Ворота закрыты, и они через ворота – раз! В конюшню забегут, станут и храпят.

Хозяйство было большое, четырнадцать дойных коров, и такого, гулевого, скота много.

А бабу Малашу приезжали сватать, ей 17 лет было. Муж ее, Федот Ермаков, был джигит на всю станицу, на скачках все призы брал. Конь у него был – Сокол. Рыжий, белоногий, весь как струночка. Федот был батареец. Отец у него был поганый. Задавался. Они как приедут, гуляют. Федот первый приезжает, и сразу пляшут. Станут в круг и по хате, по полу – так гвоздями – цок-цок-цок, целый круг выбьют. А отец его подъезжает уже выпитый и сразу: “Федот, иде Сокол?”

Раньше ведь так не пили и не дрались, как сейчас. Тогда гуляют – песни поют, пляшут, а если кто дерется, скандалит, его уже знают. Сразу: “Иди сюда, иди сюда, давай выпьем”. И поют, пока он уже не свалится, и тогда лежит и никому не мешает.

Раз дядя Василий пошел на игрища, и там задрались. Дед слышит – дерутся. “Ая-яй, ая-яй, – кричат, – драка”. Дед встал, берет арапник и пошел. Как дал им там: “Чтоб сейчас домой!”» (моя бабушка.)

«Где сейчас инкубатор, раньше были станичные конюшни. Отсюда в восстание я отца и их четверых провожал.

– Они все четверо в восстании были?

– Все четверо. Как восстание началось, повесили списки, кого собирались расстрелять, и они все четверо в этих списках были, и все четверо восстали» (Н.Т. Борщев, из записи 1983 г.).

Я видел их (не всех, конечно) на старом пожелтевшем снимке – большеглазые брюнеты с правильными чертами лица. Вот прадед с медалью на груди, вот рядом его отец, вот – младший брат, вот с ними еще кто-то – грудь белой краской замазана. Послюнили фотографию, оттерли – под краской Георгиевский крест... Этот тип здоровенных большеглазых темново-

лосых красавцев я часто встречал на семейных фотографиях в хуторах по речке Решетовке. Оно и понятно. Жили замкнуто, роднились между собой. Добрая половина хутора носила, как правило, одну фамилию.

Помимо бабушки была еще одна не менее авторитетная личность, знающая, казалось, всю станицу и всех знаменитостей на Верхнем Дону – ее родная тетка Меланья Васильевна.

Меланья Васильевна – «баба Малаша» – не отличалась терпимостью моей бабушки. Если она что вспоминала и рассказывала, то громко хаяла красных, и особенно – китайцев, невесть откуда взявшихся на Дону, и демонстративно сожалела о старых временах, когда в хозяйстве ее отца было 14 дойных коров, табун лошадей и уйма другого скота. Первый муж ее пропал в отступлении зимой 1919–1920 гг., второй ушел в банду к Фомину, и в третий раз она вышла замуж за «красного партизана» Попова Тимофея Ивановича («Мне батя сказал: “Иди за него, Малаша, иди. Раз у них такая линия – всех кулаков перевести, то нас они точно переведут. Может, ты спасешься”). Тимофей Иванович, человек малограмотный и на редкость невозмутимый, за всю свою жизнь, по его словам, волновался всего два раза. Первый – когда померла его прежняя жена, второй – когда попал в руки Фомина и сам Фомин приказал отвести его в яр и отрубить ему там голову. После Гражданской войны он занимал ответственные посты на уровне председателя колхоза, уцелел во время чисток, саботажа и вредительства и умер в 1950-е гг., оплакиваемый родными, близкими и соседями. За всю совместную жизнь он не сказал Меланье Васильевне худого слова, только похваливал за трудолюбие. Но последнее время она все же чаще вспоминала своего первого мужа, Федота Ермакова, первого джигита станицы, лихого батарейца, провалившегося под лед, заболевшего и умершего в отступлении.

А вот документ: «17.03.19 г. Михайловка. Следователь Борисов донес, что наш отряд в 130 человек окружен в Крутковском. Примите самые энергичные меры к освобождению окруженных и уничтожению восставших. Химические снаряды вам посланы. Княгиницкий, Барышников»¹.

Архивные материалы, казалось, хранили ступки нерастроченной злой энергии, энергии борьбы не на жизнь, а на смерть. Жестко, беспощадно, с классовых позиций...

Донбюро РКП (б): «Если Советская власть на Дону вместо энергичного дела станет снова уговаривать контрреволюционные элементы, то этой Советской власти придется опять быть ниспровергнутой кулацкими восстаниями при помощи иностранных штыков.

...Этих коммунистов должно быть больше пришлых из Москвы и Петрограда с большими опытом и энергией»².

«Организуется опять центр работы на Дону и опять во главе ее становится Сырцов. Как будет дальше, судить не трудно, ибо и Сырцов, и Васильченко всегда стараются подобрать таких товарищей, которые поддержат их независимо от их качества как партийных людей. Начинается та же история, какую мы три раза переживали. А. Фролов, штаб 9 армии»³.

«Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность Советской власти и было распущено по домам с оружием в руках, что явилось, конечно, большой ошибкой. Теперь казаки выступили под эсеровскими лозунгами»⁴.

Да, с классовой точки зрения все было просто и ясно: идея «их обидели – они восстали» здесь не проходила. Прежде всего, единства не было среди самих казаков. Компактная масса, как копна сена в степи, раздергивалась ветром революции. И несло клочья по выгоревшему, некошеному колючему полю, пока не прибывало – кого к лагерю белых, кого – к противоположному. Но овеваемая копна, уменьшаясь в размерах, все высилась посреди поля, удерживая,

¹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 19 об.

² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 661. Л. 58.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 137 об.

⁴ Гражданская война. 1918–1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк действий Красной Армии. М.—Л. 1930. С. 234.

не давая насовсем оторваться, все стояла в глазах символом единства казачества. А ветер усиливался...

Вся Гражданская война – процесс расслоения казачества. От дней калединщины, когда казаки целыми полками во главе с офицерами шарахались от красных к белым и обратно, и до времени, когда на два противоположных непримиримых лагеря раскалывалась семья.

Процесс этот был долог и мучителен. И классовый подход объяснял четко и ясно – почему. Из десяти казаков Вёшенской станицы два были богаты, шесть считались середняками, но по среднероссийским меркам походили на кулаков, и два казака были бедны. Причем один из них из кожи лез, чтоб «выйти в люди», но не везло ему – то падеж, то неурожай, а другой сдавал свою казачью, по закону положенную ему землю в аренду, жил на арендную плату, хозяйства не имел (почему и считался бедняком), а сам в лаковых сапогах гулял по станице и громко кричал о попрании казачьих прав, засилии хохлов и на прочие злободневные темы.

Когда началась Гражданская война, двое богатых сразу же стали белыми. Один из бедняков, поколебавшись немного, ушел к красным, второй побывал в обоих лагерях по несколько раз.

Лозунг его был: «Грабь!» Вся сложность с шестью середняками. Достаток свой они имели благодаря упорному, окропленному кровавым потом труду, но достаток был «всем достаткам достаток», и такие вещи, как продразверстка, хлебная монополия и реквизиции, встречались шестью середняками в штыки. В 1918 г. по всей Донской области 18 % боеспособных казаков ушли в Красную Армию, 82 % были «в белых». В отдаленных станицах степень расслоения была еще меньше. В Вёшенской за весь восемнадцатый год из казаков исключили «за большевизм» всего одного человека – батарейца Василия Кухтина, бежавшего в Красную Армию. Причем родной брат его после этого еще полгода оставался «в белых» и даже «Георгия» от них имел. Вся Гражданская война – мучительные колебания этой «шестерки» середняков. И восстание в Вёшенской, исходя из классовых позиций, – самое яркое проявление этих колебаний.

И ехал я как-то из Каргинской к двоюродной бабке на хутор Грушенский. Подвизивший меня шофер, молодой – моложе меня – парень, рассказал, что, по словам стариков, вот у этого дома (мы ехали через хутор Лученский, и он кивнул в окошко) убили хозяина в восстание. Конные красные отступали через Лучки на Боковскую, а казаки, в том числе и лученские, наседали на них, две цепи конных двигались одна за другой. Хозяин дома, преследовавший красных, уже подскакивал к своему двору, когда ехавший последним красноармеец придержал коня и выстрелом из винтовки выбил его из седла. Выбежавшие из хаты встречать казаков домочадцы натолкнулись на лошадь, тащившую в раскрытые ворота их отца и мужа, застрявшего ногой в стремени...

Вот тебе и колебания, вот тебе и классовый подход...

Иногда мне очень хотелось хоть одним глазком самому посмотреть на ту жизнь, представлявшуюся мне сплошным сражением. И странным показалось найденное в архиве письмо некоего Сосновского, директора училища из станицы Казанской, написанное летом 1919 г. В письме осуждалась «удушливая и безжизненная атмосфера станицы... где, даже при самых спокойных обстоятельствах, предстоит полное духовное умирание»⁵.

Что ж, материала я насобирав много...

Итак, сырое мартовское утро. Всадники, всадники, всадники на разбитых донских дорогах. Снег и грязь летят из-под копыт в серое небо. Над хуторами колокольный звон, разрозненная стрельба и неумолчный гомон майданов. Восстание!..

Впрочем, начнем-ка мы на год раньше, чтоб яснее было...

⁵ ГАРО. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 242. Л. 56–56 об.

Глава 1

«Мы все как один готовы в любой момент...» (Из резолюции одной станицы)

Весна 1918 года. Калединщина, которую Ленин считал одной из главных опасностей для революции, разгромлена. Часть казаков-фронтовиков, уверенных, что дело сделано, мир с Советской властью установлен, «приняли Советы», разошлись по домам к хозяйствам... Другая часть казаков-фронтовиков (пожалуй, большая) расходилась по домам, ошеломленная политическими событиями, их не понимая и не желая понимать, не учитывая ближайшего будущего. Эти казаки бессознательно проводили политику нейтралитета в Гражданской войне, который им сознательно прививали некоторые идеологи казачества, выражая линию принципиального аполитизма.

Организационного аппарата для проведения выборов в станичные Советы и военно-революционные комитеты не было.

Партийные организации были заняты борьбой с меньшевиками и «не могли уделить сколько-нибудь сил области и казачьим округам. Домашняя патриархальная обстановка очень скоро стерла поверхностный революционный налет с казаков-фронтовиков. В большинстве станиц власть осталась у «отцов», «дедов», «стариков» – так оценивал обстановку весны 1918 г. Донской комитет РКП(б). Он взялся устанавливать советскую власть на Дону летом 1919 г., уже после интересующего нас восстания, и анализировал предыдущие события.

На севере Донецкого округа попытки революционных фронтовиков взять власть в свои руки были пресечены с самого начала.

Приказ о введении советской власти поступил в станичные правления по телеграфу вместе с другими декретами от новых властей. Созванные специально для решения этого вопроса станичные сборы долго и упорно отказывались вводить советскую власть. В центр посылались делегаты «для ознакомления с новыми порядками».

Лишь в марте, после ряда категорических требований и приезда делегатов с окружного съезда, сборы по станицам «решили подчиниться необходимости и избрать совет»⁶. В «Совет» вошли прежние станичные правления в полном составе. В Мигулинской и Казанской станицах председателями стали бывшие станичные атаманы – И. Дрынкин и К. Дронов, в Еланской – помощник станичного атамана Н. Мельников, и лишь Вёшенский станичный Совет возглавил прибывший «из Красной гвардии» полный георгиевский кавалер подхорунжий Харлампий Васильевич Ермаков. Подобного рода замены произошли и на хуторах.

Вывеску поменяли, но суть была прежняя. Призывы о мобилизации против приближающейся германской агрессии остались без ответа. Из Каменской грозили прислать войска и «разогнать контру». Станичных атаманов и некоторых местных «деятели» требовали на суд в округ, но станичные сборы, сохранившиеся при новой власти, становились на защиту, и вызываемые не ездили.

Не лучше было положение и по всей области. На областной съезд Советов все казачьи округа послали ровно столько делегатов, сколько выслали крестьяне одного Таганрогского округа. Причем «делегатами от станиц были длинноротые седые старики, завсегдатаи войсковых кругов»⁷.

Обстановка в это время была напряженная. Областной съезд часто прерывал работу – под Новочеркасском шли бои с восставшими казаками Кривянской и Заплавской станиц. Кое-

⁶ Кожин А. В верховьях Дона // Донская волна. 1919. 12 мая.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 135 об.

кто под шумок лез к власти, делал карьеру. Таким был делегат от Еланской станицы вахмистр Яков Семенович Родин, кавалер медали Святой Анны за подавление «беспорядков» в Одессе в 1905 г. Когда обсуждался вопрос о переговорах с «главарем мятежников» есаулом Фетисовым, Родин прорвался на трибуну и заявил: «Никогда этот мерзавец не подчинится и ни разговаривать, ни рассуждать не станет. Сейчас же, этой секундой надо выслать отряды. Я настаиваю на этом», – чем вызвал аплодисменты. Бравого вахмистра заметили, и от партии левых эсеров он был избран кандидатом в члены ДонЦИКа.

Через три недели Я.С. Родин стал членом суда над экспедицией Подтелкова.

Оглушенные стрельбой и непонятными лозунгами, старики-делегаты дружно проголосовали на съезде за списки большевиков и левых эсеров и с чувством облегчения вернулись в свой «тихий угол».

Вместе с ними на Верхний Дон хлынули искавшие прибежища «вожди» разбитых контрреволюционных отрядов. Известный всему Хоперскому округу авантюрист и «социалист» Дудаков объявился в станице Мигулинской под фамилией Сидоренко и вскоре стал заведовать в Верхне-Донском коопсоюзе яичным отделом.

Под влиянием таких «гостей» на Верхнем Дону в начале апреля зародилась мысль отмежеваться от беспокойной Каменской и, основываясь на постановлении одного из калединских Кругов, организовать свой округ – Верхне-Донской. «Был созван съезд представителей от казаков станиц нового округа и был избран окружной совет, состоявший из заклятых врагов Советской власти», – вспоминали сами белые⁸.

Последняя телеграмма в центр с Верхнего Дона пришла 23 апреля и гласила: «Советская власть Верхне-Донского округа организована Вёшенской. Распоряжения направлять Вёшенскую, подробности почтой. Председатель Поляков»⁹. После этого, ссылаясь на весенние полевые работы, Совет прервал связь с Ростовом и Новочеркасском окончательно.

Кто такой был «председатель Поляков» – пока неизвестно. Один лишь раз промелькнуло в печати, что «в Вёшенском окружном Совете председателем был даже расстриженный поп, отчего власть эта никогда не пользовалась авторитетом среди широких слоев и трудящихся масс на Дону»¹⁰.

Весной 1918 г. на Дон надвигалась волна немецкого нашествия. Советские украинские войска с боями уходили на восток, впереди них катилась орда дезертиров, анархистов, просто бандитов. Грабежи и бесчинства этих элементов, прозванных в народе «чертовой свадьбой», давали прекрасный агитационный материал в руки белых. Положение советской власти, которая держалась на Дону лишь в пролетарских центрах, стало критическим. Белые воспрянули духом. Гремели бои под Новочеркасском и Александровск-Грушевским.

В этой сложной ситуации основной задачей большевиков было не допустить вторжения немцев на Дон, а если это случится, то локализовать конфликт и не дать ему разрастись в германо-советскую войну. Чтобы лишить немцев повода вторгнуться на территорию Донской области вслед за отступающими советскими украинскими войсками, была дана телеграмма за подписью В.И. Ленина, требовавшая разоружения всех войск, переходящих границу Украины и Дона¹¹. Телеграмма подобного же содержания была разослана во все местные Советы пограничной зоны.

Для верхне-донцов все эти события были делом далеким и смутным. В хутора доходили неясные слухи о боях под Новочеркасском, под Морозовской, об угрозе немецкого нашествия.

⁸ Кожин А. Указ. соч.

⁹ ГАРО. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

¹⁰ Правда. 1919. 7 февраля.

¹¹ Ленинский сборник, XVIII. Л., 1931. С. 64.

Гролом среди ясного неба стала телеграмма из окружного Совета о том, что «положение катастрофическое, необходима всеобщая мобилизация».

«Что за катастрофа? Против кого мобилизация?» – заволновались хуторяне. «Большевики вторглись в округ, режут, грабят и жгут. Дон обещали отдать китайцам», – заявили домо-вители, имевшие из станиц «самые последние» новости.

29 апреля немецкие войска заняли станцию Чертково и перерезали Юго-Восточную железную дорогу. Прямая связь Ростова и Новочеркасска с Москвой была прервана. Помимо этого занятием Чертково немцы отрезали от центральной России советские украинские войска, перешедшие донскую границу в районе станции Миллерово. Поэтому некоторые украинские отряды решили пробиваться на север, в Воронежскую губернию, кружным путем, походным порядком через верхнедонские станицы.

Тираспольский отряд 2-й социалистической армии высадился на станции Шептуховка и проселочными дорогами двинулся на северо-восток, надеясь добраться до станции Калач. Путь его лежал через лучшие в округе черноземные земли Мигулинской станицы. Последней восточкой была телеграфная лента: «Я начальник Тираспольского отряда... Мне необходимо срочно получить русских 3-линейных патронов. Невысылка патронов может вызвать серьезные последствия для отряда»¹².

30 апреля председатель Мигулинского станичного Совета И.Ф. Дрынкин получил из хутора Сетраковского телеграмму, что в хутор прибыли на автомобиле шесть квартирьеров, за ними идет полк кавалерии, четыре батареи и пехота.

Незнакомый автомобиль видели у хутора Мрыхина и у самой станицы.

Отставному подъесаулу Ивану Федоровичу Дрынкину было уже за 70. Постоянным местом его обитания был хутор Верхне-Чирский, где в наемной полуразрушенной, разгороженной хате жила его жена и «четверо-пятеро» взрослых детей, не имеющих определенных занятий. Чтобы прокормить всю эту ораву, выход был один – вновь идти на службу. В четырнадцатом году Дрынкин баллотировался в станичные атаманы и собрал большинство голосов, но окружной атаман не утвердил его «по весьма преклонному возрасту...» и как «употребляющему спиртные напитки, оставившим это зло месяцев 6 тому назад, по всей вероятности, благодаря одному – что их достать негде, ввиду прекращения торговли...» В семнадцатом Дрынкин вновь баллотировался в атаманы и, благодаря «демократическим тенденциям», этого поста добился. В марте 1918 г. после долгих оттяжек он «перекрестился» в председатели «Совета».

Прекрасно понимая, что его председательство и атаманство прекратятся, как только красные придут в станицу, «народный избранник» апеллировал «к народу». Нарочные помчались с отчаянным призывом, и к вечеру выборные от ближайших хуторов уже были в Мигулинской. В разгар сбора, когда Дрынкин расписывал грабежи и насилия, чинимые большевиками, была получена вторая телеграмма из хутора Сетраковского о том, что туда «прибыла кавалерия, артиллерия и пехота, ведут себя спокойно, никого не обижают, за все платят».

Какие доводы приводил Дрынкин и что кричали его сторонники – неизвестно. Скорее всего, потрясали телеграммой из центра с приказом о разоружении переходящих границу частей, чтобы предотвратить «войну Дона с немцами». Красноармейцев пытались представить деморализованной массой, опасной даже для советской власти. Истинная подоплека выступления была не ясна даже «старикам», и «после недолгих размышлений сбор единогласно решил предупредить кровавую бойню и разоружить красноармейцев. И для этого было решено объявить всеобщую мобилизацию от 20 до 55 лет»¹³. На что надеялись Дрынкин и пригревшиеся у него под крылом хоперские мятежники, пускаясь на эту авантюру, не понимали впоследствии даже сами белые. «Так вероятно и не выяснится, на что надеялись мигулинцы, вынося такое

¹² ЦГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 160.

¹³ Кожин А. Указ. соч.

решение... Неизвестно было... что это за части, каковы у них планы», – писали белогвардейские газеты.

На сборе был сформирован штаб (или военный отдел станичного «Совета») из двух офицеров и двух урядников. Там уже мелькала рыжеватая бородка Сидоренко, «заведующего яичным отделом» кооператива, который давал дельные советы, а скоро стал писать приказы, распоряжения. По хуторам поскакали гонцы с приказом о мобилизации, план которой к утру 1 мая уже был разработан. Из хуторов на сборные пункты потянулись первые добровольцы-старики и кое-кто из фронтовиков.

Между тем Тираспольский отряд двинулся в сторону станицы Казанской. К тому времени разведка мятежников сообщила сведения о численности отряда, что заставило казаков призадуматься. В авангарде тираспольцев шел 5-й Заамурский конный полк, с ним несколько местных казаков (всего 300 сабель), за ними – 5-я мортирная батарея полковника Рыкова, отряд Илларионова, китайский батальон Якира, 74-й Ставропольский пехотный полк, остатки 254-го Северо-Донецкого пехотного полка старой армии и три легкие батареи. Всего до 2000 человек, 12 орудий, 52 пулемета.

Тем не менее начались переговоры повстанцев с красногвардейским командованием с упором на полученную телеграмму Ленина о разоружении, переговоры сопровождались рядом ночных налетов, во время которых казаки отбили всю красную артиллерию. Наконец, красная пехота сложила оружие¹⁴. Лишь 5-й Заамурский конный полк не поддавался на уговоры. Казаки открыли по нему огонь из захваченных орудий, и замурцы, увидев разоружение и избиение своей пехоты, ушли на Богучар.

Разоруженных красноармейцев погнали на станицу Краснокутскую и по дороге на земле Мигулинской, Каргинской и Краснокутской станиц порубили 500 солдат Ставропольского полка и 225 китайцев¹⁵, как бы связывая казаков этих станиц одной кровавой поручкой. Оставшихся в живых пленных направили в Чертково, в австро-германский штаб. Из 177 посланных в Чертково прибыли 116, остальные бежали по дороге или были зарублены. Казакам досталось 12 орудий, 52 пулемета, 2000 винтовок и 15 000 патронов.

По всем дорогам скакали гонцы с воззванием «Братьям донцам от станичного сбора Мигулинской станицы». «Скоро, скоро наступит то время, когда мы, казаки, скажем свою волю открыто», – гласило воззвание и заканчивалось призывом: «Да здравствует наше будущее. Да здравствует донское казачество. Да здравствует Войсковой круг»¹⁶. Округ гудел, как потревоженный улей.

В самой Вёшенской было беспокойно. Революционно настроенные казаки-фронтовики поняли сущность окружного «Совета», несколько наиболее боевых готовили переворот. Сослуживец и друг Подтелкова Василий Кухтин тайно привез из Каменской оружие и распределил, кто будет брать здание телеграфа, кто разгонит или перебьет «Совет».

Известие об уничтожении Тираспольского отряда сотрясло станицу. Местные интеллигенты живописали зверства «красногвардии» и героизм мигулинцев, вставших как один на защиту родимого края. Фронтовики заколебались. В группе Кухтина объявился предатель.

За день до намечавшегося выступления, 3 мая, окружной «Совет» собрал съезд представителей станиц и, в связи с «вторжением на донскую землю разнузданных красногвардейских банд», объявил округ на военном положении. Вся полнота власти передавалась вновь назначенному заведующему военным отделом «Совета» полковнику З.А. Алферову. Прямо в «Народном доме», где проходил съезд, сторонники Алферова хотели арестовать Василия Кухтина, но тот, парень на редкость здоровый, отбил и ускакал в Богучар.

¹⁴ См. подробнее: *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия в 1918 году. М., 2008.

¹⁵ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о Гражданской войне. Т. 2. М., 1928. С. 282.

¹⁶ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 712. Л. 4.

Вечером того же дня новоявленный заведующий военным отделом приказом «упразднил Советскую власть» и взял на себя функции окружного атамана.

Захар Акимович Алферов, уроженец станицы Еланской, по мнению очевидцев-земляков, делал карьеру под давлением своей сварливой и энергичной жены, дочери местного купца Симонова. Как и большинство лентяев, он, несомненно, имел задатки организатора. В строй его не тянуло. В 1904 году подьесаул Алферов был отчислен из полка в родную станицу обучать молодых казаков военным навыкам. Так и окончил бы он свои дни в безвестности в захолустной Еланской, но жена заставила его сдать экзамены и поступить в военную академию. Вечно зеленые, но быстро облетающие при поражениях лавры полководца Захара Акимовича не прельщали, и он закончил военно-педагогическое отделение академии, намереваясь посвятить себя святому делу воспитания офицерского корпуса русской императорской армии. Война внесла в его планы свои коррективы. Революция застала его на штабных должностях в 4-й Донской дивизии и вновь зашвырнула в родные места.

Здесь он и был выдвинут в диктаторы, так как окружной «Совет» свято придерживался традиции, согласно которой в смутное время военная власть передавалась «старшему по службе» среди присутствующих офицеров.

Сознавая, что его таланты стратега оставляют желать лучшего, Захар Акимович вызвал из Казанской местного руководителя военного отдела генерального штаба капитана О.И. Савватеева и назначил своим начальником штаба. Савватеев впоследствии действительно проявил себя талантливым военачальником и достиг в Донской армии высокого положения и заслуженного генеральского чина. Станичным председателям, которых кое-кто уже именовал атаманами, были даны самые широкие полномочия скакать и агитировать за «свою казачью власть на платформе Войскового круга», а сам Алферов окунулся в высокую политику, разрабатывал планы удара на Миллерово и экспедиции в Хоперский округ, на что особо рьяно подбивал окружного атамана не преминувший открыться ему Сидоренко – Дудаков.

Из двух прямо противоположных направлений миллеровское в данный момент представлялось главным. С юга летели тревожные слухи, что несметные полчища красногвардейцев во главе с самим Подтелковым движутся вдоль полотна железной дороги с Лихой на Морозовскую, разоружают и разоряют окрестные хутора, сжигают их артиллерийским огнем. Уже 8 мая началась мобилизация «на Подтелкова». 9 мая с мольбами о помощи прибыли в округ гонцы Милютинской станицы...

Грозные «полчища подтелковского нашествия» оказались отрядом в сто человек. Казаки верхнедонских станиц окружили, разоружили и истребили этот отряд – «Подтелковскую экспедицию» – и казнили самого Ф.Г. Подтелкова, председателя Донского советского правительства. Это событие достаточно освещено в те времена и советской и белой печатью, а впоследствии ему был посвящен целый ряд исследований.

Большинство казаков отнеслось к громыхнувшему над округом событию «внимательно», но держало «нейтралитет». Северные станицы замкнулись в сонном оцепенении. Даже идея «поднять Хоперский округ» не всколыхнула их. Всего четыре сотни наскреб округ на этот поход. Дудаков, в штатском, но уже под своей фамилией, увел их 20 мая на север, откуда они вскоре вернулись, так как через несколько дней после их выступления Хопер полыхнул сам по себе.

Южные станицы лихорадило. Проходившие на Царицын по линии железной дороги красногвардейские части порывались отомстить за гибель подтелковской экспедиции. Несколько раз их отряды подкатывались к станице Милютинской, грозились сровнять ее с землей. Паниковала Каргинская, в 40 километрах от которой видели большевиков. Ждали, что сожгут они хутора, вырежут всех, кто выше колесной оси. Страшились возмездия и те, кто обманом извел Подтелкова «со товарищи», и те, кто не участвовал в этом злодеянии, но знал о нем.

Два полка выставили южные станицы округа против большевиков, ходили те полки на Морозовскую, рвались на юг, на соединение с «низовыми» мятежниками.

Все это время округ был отрезан от Новочеркасска: от Лихой, на Царицын, разрезая область на две части, протянулись эшелоны отступающей 5-й украинской социалистической армии Ворошилова. Чтобы установить связь с Кругом и донским правительством, верхнедонские «лидеры» послали своего представителя есаула Фолометова в Чертково к немцам, а через тех уже вошли в контакт с Красновым, выбранным к тому времени Донским атаманом. Первый курьер из Новочеркасска прибыл в округ 18 мая.

25 мая Алферов был утвержден окружным атаманом, в станицах спешно проводились пере выборы власти. Атаман Краснов сулил эпоху процветания и привольной жизни по прадедовским заветам. Отбитые у Тираспольского отряда деньги демонстративно были потрачены на открытие в хуторах Мигулинской станицы начальных школ. В окружной станице Вёшенской была открыта гимназия. «В такую минуту возрождения Всевеликого войска Донского, – рассуждали верхне-донцы, – у власти должны стоять люди положительные и степенные, а не деры и горлохваты». Прежних председателей-атаманов, взявших на себя кровь подтелковцев и Тираспольского отряда, переизбрали. Так, Харлампий Ермаков, вкусивший прелестей атаманской власти и не горящий особым желанием идти опять на фронт, пытался удержаться хотя бы на посту помощника станичного атамана, но не удержался – забаллотировали.

Летом по области была объявлена всеобщая мобилизация, но последовавшие волнения и начавшаяся уборка заставили отпустить часть призванных по домам. Тем не менее Донская казачья армия росла. Казаки, не вышедшие из возраста срочной службы, и подросшая молодежь были направлены в «Молодую армию». Все остальные начали сводиться в территориальные полки. Каждая станица выставляла по одному такому полку и давала ему свое имя.

Имели ли они что-нибудь против советской власти? Прежде всего, они толком и не знали, что такое Советская власть, не видели ее у себя в станицах и хуторах в это время. Слухи о зверствах «красногвардии», долетавшие с юга, о хлебной монополии и реквизициях, начавшие доходить с севера и востока, были для верхне-донцов пока только слухами. Реальностью была власть, опиравшаяся на подавляющее большинство «низовцев» и на зажиточных по всей области. Реальностью было начавшееся наступление Красной Армии на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

И вот спешно были сколочены полки верхнедонских станиц и брошены на Урюпинскую, где шли бои с отрядами Сиверса и Киквидзе, а заодно и в прямо противоположном направлении, на ближайший к округу город Богучар.

«Помните, не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы – они только разорят ее и зальют кровью. Не спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки!» – летели им вслед слова атамана Краснова.

«Славься Дон и в наши годы!
В память вольной старины
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны», —

пели казаки новый донской гимн (слова В. Гиляровского, музыка старинной песни «Всколыхнулся, взволновался...»).

«...Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна... Звенит и плачет, и зовет... То край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог родной и угол», – писал популярнейший на Дону автор, он же член (а потом и секретарь) Войскового Круга, Федор

Крюков, и это творение его было введено в обязательную программу всех учебных заведений на Дону, в том числе и Вёшенской гимназии «имени павших за освобождение родного края».

С выходом Донской армии на границы области противоречия внутри казачьего лагеря обострились. Пленные сообщали, что «желания воевать у казаков нет. Все сводится к защите своих границ, и коль скоро советские войска уходят за границу Войска Донского, казаки прекращают преследование. Если же в силу приказов... и переходят границу, то главным образом с целью грабежа»¹⁷. Нежелание переходить границу кое-где вылилось в вооруженные столкновения казаков с офицерами.

Тыл разъедали интриги. Под произведенного в генералы Алферова успешно подкапывались его собственный заместитель полковник Дронов и «авантюрист с мировым именем», атаман станицы Каргинской Лиховидов. Пришлось новоиспеченному генералу уйти в отпуск, который затянулся на неопределенное время.

Казнокрадство процветало. П.Н. Кудинов, лежавший всю осень 1918 г. в госпитале Вёшенской станицы, вспоминал, что трофеи расхищались, жалование приходило в части с полугодовым опозданием¹⁸.

18 ноября 1918 г. одна из сотен 2-го Верхне-Донского пешего полка (из казаков старших возрастов) самовольно снялась с позиций и пошла в тыл за обмундированием.

«По домам! – кричали казаки. – Хватит вшей кормить! Долой золотые погоны! По домам!..» – «Мы отказываемся защищать Дон, а если придется, будем защищать свою станицу», – разъясняли они всем свою «программу»¹⁹. К сотне присоединились другие, и вот ядро 2-го Верхне-Донского полка в 200 штыков, выбрав командиром подхорунжего Моргунова, двинулось в свою окружную станицу. «В Вёшки!.. Навесть порядок!..» – будоражила ряды взбунтовавшегося полка шальная мысль. На общем собрании было все же решено междоусобной войны не начинать, а добыть обмундирование и идти на Калачевский фронт, поближе к станицам.

В Вешках, в штабе Северного фронта белых порядком струхнули. Командиру гарнизонной сотни Х.Ф. Кружилину было приказано выслать разведку, узнать, куда идут мятежники. Кружилин утешил начальство: «Не пугайтесь, ваше превосходительство! Они как до станичных земель дойдут, враз по домам разбредутся, а там мы их голыми руками...»

28 ноября отдельные казаки 2-го Верхне-Донского полка стали прибывать в свои станицы. Был отдан строжайший приказ ловить их и посылать обратно на фронт.

Чем ближе подходили к Вёшенской, тем больше сомнения одолевали верхне-донцов. 29 ноября полк вступил в хутор Гороховский (10 верст севернее станицы) и обратился с жалобой к своему станичному правлению.

30 ноября станичный сбор Вёшенской постановил обмундировать пришедших с фронта казаков и отправить их обратно на фронт в Хоперский округ. Полк покорился и выдал зачинщиков. 12 казаков Верхне-Донского полка были приговорены военным судом к расстрелу. Приговор привели в исполнение через три дня, так как не было охотников стрелять.

В 2 часа ночи конвой с осужденными прибыл на место казни, где «уже к этому времени трусливо пережимался взвод стрельцов из казаков базковской гарнизонной сотни с “четой судебного ведомства”». После залпа трое повалились замертво, остальные, израненные, с воплями бежали в лес. Наутро, сопровождаемые толпой рыдающих женщин, они пришли в Вёшенскую к окружному лазарету. В станице началось волнение. «Смертники» были положены в лазарет, а члены суда на всякий случай уехали из станицы.

¹⁷ ЦГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 334. Л. 7.

¹⁸ Кудинов П. Восстание верхне-донцов в 1919 г.: Исторический очерк // Вольное казачество. № 77. С. 7.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 7. Л. 312.

Узнав о расстреле своих товарищей, казаки 2-го Верхне-Донского полка до Хоперского округа так и не дошли. Командование боевого участка дважды напоминало штабу фронта, что 200 казаков с двумя пулеметами так и не вернулись на фронт. Зато 19 декабря начальник этапа в хуторе Шумилине хорунжий Буданов сообщил, что к нему явились вёшенские казаки, ушедшие ранее из Хоперского округа, и требуют направить их на Калачевский фронт. 20-го Буданову было приказано разоружить их и отправить на Хоперский боевой участок. Он ответил, что не может сделать этого из-за отсутствия сил, а у вешенцев два пулемета.

Скрепя сердце начальство санкционировало отправку казаков 2-го Верхне-Донского полка на Калачевский фронт, где их предполагалось влить в 28-й конный полк «для перевоспитания». Но, как заметил П.Н. Кудинов, «28-й полк считался боевой и исполнительной частью на фронте, но отнюдь не был исправительным батальоном»²⁰.

28-й полк (до августа 1918 г. – 1-й Верхне-Донской) был одним из лучших полков белой Донской армии. Сформирован он был, в отличие от других частей, из казаков всех станиц Верхне-Донского округа.

Разумеется, все проблемы и все положительные и отрицательные с военной точки зрения черты, присущие формированиям Донской армии, находили свое отражение и в этом полку. Как и все, он был заражен «пограничной болезнью» и 23 августа под хутором Шумилиным отказался переходить границу Донской области. 2-я сотня, подстрекаемая урядником Маноцковым, даже пыталась разойтись по домам. Но офицеры полка, подобранные по всей области «отчетливые» контрреволюционеры, среди которых были сподвижники известного всему Дону есаула Чернецова, смогли принудить полк к повиновению. Десять казаков Казанской станицы расстреляли тогда в Вёшенской.

Удачные бои под Старой Меловой, под Павловском подняли пошатнувшийся боевой дух. После боя под Таловой генерал Гусельщиков, командир известного на всем фронте 23-го Гундоровского Георгиевского полка, «дал 28-му полку имя “Непобедимый”, ибо первая сотня его по печальной ошибке вступила в бой с георгиевцами и, после целого дня ожесточенного боя, принудила их отступить, взяв два пулемета. Единственное поражение гундоровцев своими же»²¹.

Между тем, работая в архивах с материалами по белоказачьим полкам, просматривая списки и наградные документы, я испытывал странное чувство, когда мне попадались «свои», верхнедонские полки. С детства слово «белые» ассоциировалось у меня с каппелевскими офицерскими шеренгами из фильма «Чапаев». Черные мундиры, белые ремни, вычищенные до блеска, бритые офицеры с сигарами. А здесь – вот они! – все свои. Знакомые с детства фамилии. Вот Каргинский полк: Каргины, Лиховидовы, Вислогузовы, Фадеевы; вот – Еланский: Голицыны, Глазуновы, Родины, Летневы, Мельниковы; вот – Мигулинский: Буханцовы, Коноваловы, Сетраковы, Дамановы; а вот и Вёшенский: Антиповы, Дударевы, Турилины, Калинины, Борщевы. Вся станица! Встретил я и «дядю Василия», и «дядю Костю», героев бабушкиных рассказов. Заработали они «Георгии» в октябре 1918 г. Стремясь узнать, что же это были за люди, я переписывал длиннейшие списки и читал их старожилам. И часто, к моему удивлению, лица дедов озарялись: «Ефим Семенович? Помню, был такой... Бабка, ты помнишь Ефима Семеновича?» И бабка улыбается... Об «активных контрреволюционерах» вспоминали как о людях добрых, сильных, честных...

Служили, воевали, зарабатывали кресты и медали. И носили, глаз не прятали. «Мы их честно заслужили. Кровью...», – казалось, говорили чубатые ясноглазые парни со «служивских» фотографий.

²⁰ Кудинов П. Указ. соч. С. 7.

²¹ Донская волна. 1919. 3 (16) марта.

Но вернемся к нашей истории. Вдохновленные победами и подстегиваемые жадной наживы казаки рвались в бой. 23 ноября 1918 г. 28-й полк брал станцию Лиски, где устроил повальный грабеж. Добыча была так велика, что за ее подсчетом и дележом забыли об обороне. 29 ноября 8-я армия красных нажала, и продовольственный полк им. Карла Маркса взял станцию Лиски обратно, да так, что среди трофеев у красных числилась канцелярия 28-го конного полка.

Между тем разложение Белой армии усиливалось. Большую роль сыграла революция в Германии, уход германских войск и отсюда – ухудшение материального снабжения белых. Бежавшие из плена красноармейцы рассказывали, что «казачьи полки и, вообще, монархические банды ходят совершенно голые и босые, что же касается жалования, то таковое не получают уже три месяца». Ожесточенные бои изматывали Донскую армию. Сами белые признавали: «В непрерывных боях последних двух месяцев... выбыло из строя 40 % казаков и 80 % офицеров».

В 28-м полку осталось 20–25 % казаков прежнего состава, потери восполнялись пополнениями. Но, как писали белые, «пополнения приходили уже не те».

Попавшие в 28-й полк казаки-верхне-донцы рассказали о событиях в Вёшенской. Результаты быстро сказались. Полк, люди в котором были и тепло одеты и хорошо обуты, находившиеся на фронте, где дела шли весьма успешно, вдруг без всякой видимой причины замитинговал. Стал отказываться исполнять боевые задачи, начал брататься с красными...

Все волнения казаков-фронтовиков севера Донской области не достигли бы своего логического финала, если бы не наступление Красной армии, начавшееся 4 января 1919 г. Три дня кровопролитных боев с переменным успехом послужили переломным моментом в настроении верхнедонских казаков.

6 января, когда белые пытались организовать наступление на Абрамовку, на просьбы командующего отрядом генерала Гусельщикова поддержать операцию казаки Мигулинского полка ответили криками: «Долой войну! Долой золотые погоны!» 7 января Гусельщиков приехал в расположение Казанского полка и потребовал исполнять приказ о наступлении. Казаки Гусельщикова обругали, адъютанта его огрели прикладом, демонстративно снялись с позиции и ушли в г. Калач. Единственное, что смог сделать Гусельщиков, это приказать командиру полка и офицерам идти вместе с казаками и по дороге разубедить их. «Казаки открыли фронт на Богучарском направлении на Рождество старого стиля», – писал прославленный советский военачальник, будущий маршал А.И. Егоров²².

По дороге к Казанскому полку присоединился Мигулинский полк, который тоже бросил позиции и двинулся домой, насильно забрав с собой офицеров. Проходя через Калач, казаки устроили митинг, к которому примкнули пешие сотни бывшего в городе на пополнении 28-го полка, т. е. те самые «штрафники», которые полтора месяца назад «будировали» в окружной станции Вёшенской. Вместе с казаками в Калач пришли два красноармейца-агитатора, одетые в казачью форму, и приняли живейшее участие в митинге.

Накричавшись до хрипоты, казанцы и мигулинцы пошли в свои станицы, а пешие казаки 28-го полка вместе с казанцами добрались до хутора Шумилина, где на этапе захватили свой полковой денежный ящик (300 000 рублей) и 12 пулеметов, предназначавшихся для 3-й «молодой» дивизии.

В Шумилинском, пограничном хуторе Донской области, перед казаками встал вопрос: «Теперь куда?» Народ в полку был со всего округа. Кто кричал «По домам!», кто – «Идем на Вешки, разгоним власть. Спросим с них, куда наших дели». Кое-кто под шумок действительно ушел по домам, но «штрафники», задававшие тон, вскричали:

²² Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 68.

– Стой, братцы, стой! Так нас опять поодиночке передушат. Идем на Вешки всем полком. Мы – 28-й Непобедимый... Выберем командира и – в Вешки...

– Кого в командиры-то?

– Яшку, што ль, Фомина? Яков Ефимыч, ты где? Просим...

– Фомина!.. Фомина!..

Несколько пленных красноармейцев, поставленных недавно в ряды 28-го полка, предложили: «Давайте тогда и комиссара изберем. Пусть политикой заворачивает...» Казаки в нерешительности переглянулись, но, не решаясь конфликтовать в самом начале так удачно складывающегося дела, решили: «Давай и комиссара!.. Кто тут пограмотней? Мельников? Иван Егорыч, давай в комиссары! Руководствуйте сообща». – «Теперь еще полковой комитет изберем и сотенных...», – предложил кто-то. «По дороге изберем. Хватит брехать попусту... Фомин, веди на Вешки!»

Яков Ефимович Фомин (1885–1922), казак хутора Рубежного Еланской станицы, был признанным лидером в полку. Если мы возьмем какое-либо абстрактное движение или коллектив, то увидим, что во главе его часто становится не самый сильный, не самый умный и даже не самый хитрый. Лидером становится тот, чьи качества наибольшим образом соответствуют устоям, традициям, устремлениям общественной группы, осуществляющей движение, и чья «программа» – концепция устремлений данной общественной группы в данный период времени. «Двоякого рода психологический процесс способствует признанию лидера: проекция на него своей собственной сущности и отождествление себя с ним. Лидера надо заметить и увидеть в нем самого себя»²³.

Высокий, светловолосый, голубоглазый, физически крепкий (действительную службу он нес в Атаманском полку), Фомин был отнюдь не бедняк. Во время войны из дому ему прислали второго коня вместо убитого. В 1917 г. он был членом полкового дисциплинарного суда.

²³ Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. С. 57.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.